

Ю.В. Чимириц

**Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ В ВОСПРИЯТИИ А.С. СУВОРИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «ДНЕВНИКА» СУВОРИНА)**

На страницы «Дневника» Суворина попало много широко известных и выдающихся имен современников. Многие его записи не только обогащают, но во многом меняют существующие представления о мировоззрении его автора, его взаимоотношениях с окружающими. Содержатся в «Дневнике» и записи о Ф.М. Достоевском. Хотя их не так много, как, скажем, о Толстом или Чехове, тем не менее, они представляют большую ценность, дополняют уже известные факты о деловых и личных контактах Суворина и Достоевского, позволяют судить о действительном отношении Суворина к Достоевскому, о его позиции в спорах о писателе.

Взаимоотношения Суворина и Достоевского охарактеризовать весьма непросто. Их, безусловно, нельзя назвать дружбой, но они не были и сугубо деловыми. Для Суворина мнение Достоевского было достаточно авторитетным, он неоднократно искал его поддержки, и в то же время, сам старался оказать ему помощь и содействие. Автор «Дневника» внимательно следил за творчеством Достоевского, нередко писал отклики на его произведения. Но, как и в большинстве случаев, Суворин часто менял свое мнение, поэтому встречаются в «Новом времени» и «Дневнике» как положительные, глубокие отзывы о произведениях Достоевского, так и неоднозначные, двойственные суждения о его творчестве. Однако Суворин всегда оставался высокого мнения о личности Достоевского, его гражданской позиции. Пожалуй, общественно-политические взгляды писателя даже чаще вызывали интерес у Суворина, чем его творчество.

В очерке, который Суворин написал сразу после смерти Достоевского, он высказал следующую мысль: «Я не могу собрать воедино все те черты этой личности, которые заставляли любить его, которые наполняли меня беспредельным уважением к нему. Я чувствую, что в этом маленьком очерке все разбросано, что в нем, может быть, упущено самое важное, я чувствую также, что и условия печати потребны более широкие, чтоб изложить с достаточною ясностью его убеждения политические и нравственно-философские» [12, с. 423]. Примечательно, что в этом очерке Суворин крайне мало говорит о Достоевском-писателе, его роли и заслуге в развитии не только русской, но и мировой литературы. В его центре – облик Достоевского-человека.

В очерке «О покойном» Суворин несколько своеобразно охарактеризовал общественно-политические убеждения Достоевского. Поскольку политические взгляды редактора газеты «Новое время» были весьма категоричны, и в своих статьях он всесторонне поддерживал националистскую политику

правительства, либеральный лагерь был настроен против Суворина и его газеты. По всей видимости, Суворину было нелегко терпеть постоянную критику в свой адрес со стороны либеральных кругов, а потому он пытался найти поддержку в лице таких выдающихся современников, как Чехов, Толстой, Достоевский. Именно этим, видимо, можно пояснить стремление Суворина сделать акцент на консерватизме политических убеждений Достоевского: «Политические идеалы Достоевского, мимоходом сказать, были широки, и он не изменил им со дней своей юности. До этих идеалов очень далеко гг. либералам, которые так безжалостно, а иногда и мерзко его преследовали, называя даже “врагом общественного развития”. <...> В революционные пути он не верил, как не верил и в пути канцелярские; у него был свой путь, спокойный, быть может, медленный, но зато в прочность его он глубоко верил, как глубоко верил в бессмертную душу, как глубоко был проникнут учением Христа в его настоящей, первобытной чистоте» [12, с. 421 – 422].

Суворин глубоко уважал и ценил любовь Достоевского к народу: «Он любил русского человека до страсти, – писал Суворин, – любил его таким, каким он есть, любил многое из прошлого и верил в детскую, непоколебимую верою в будущее. <...> Народная гордость жила в нем, жило в нем то сознание силы русского народа, которое разным пошлякам кажется квасным патриотизмом, но уже не кажется это так вступающему в жизнь поколению» [12, с. 423]. Любовь к России, русскому народу была присуща и самому Суворину, эту тему он затрагивал во многих своих статьях, в «Дневнике», в разговорах с друзьями и коллегами. Вероятно, поэтому он так ценил патриотизм в других людях, и, говоря о Достоевском, неоднократно подчеркивал, что писатель обладал истинно русской душой и поэтому по его произведениям можно познать душу всего русского народа [12, с. 423]. Патриотизм этот был определенного свойства, и Суворину представлялось, что Достоевский в этом смысле являлся ему близким по идеям человеком.

Несмотря на то, что окружающие всегда и единогласно характеризовали Суворина как человека властного, самоуверенного, решительного, с диктаторскими наклонностями, тем не менее, «Дневник» открывает его как человека скорее слабого, зачастую неуверенного в себе, с множеством комплексов и склонностью к депрессивным состояниям. За внешней самоуверенностью и даже грубостью Суворина скрывалась его неуверенность, разочарованность и нерешительность. Поэтому, видимо, ему так необходима была поддержка именитых и уважаемых современников, он в них искал то, чем не в полной мере обладал сам: талант, общественное признание, уважение, поддержку. Общение с Достоевским давало Суворину возможность хоть немного оправдать свою политическую беспринципность, приблизиться к

либеральному лагерю, но это было скорее оправданием для самого себя. Противники Суворина в полной мере имели представление о его двуличности и были непримиримы, несмотря ни на какие попытки Суворина изменить их мнение о себе.

Суворину были довольно близки идеи, высказываемые в журнале «Время», изданием которого занимались братья Достоевские. Суворин поддерживал мнение Достоевского о важности повышения грамотности народа, интереса простых людей к чтению, а также о необходимости сближения образованного класса с простым народом. Но все же Суворин в большей мере ценил статьи и мысли, высказываемые Достоевским в этом журнале, чем само по себе это издание. Об этом свидетельствуют строки, написанные Сувориным в письме к М.Ф. Де-Пуле: «Относительно народа я вполне сочувствую “Времени”. Но, кстати, неужели безусловно Вам нравится этот журнал? Ведь он держится беллетристической, а ничем другим. Ведь критический отдел его весьма слаб, ведь что-то новое только и есть в статьях Ф. Достоевского» [10, с. 169].

За творчеством Достоевского Суворин следил пристально и внимательно, но оценки, которые он давал творчеству писателя, отличались противоречивостью и непостоянством суждений. Впрочем, неопределенность и частая смена мнений была свойственна Суворину не только в случае с Достоевским. Скорее, это было чертой характера редактора «Нового времени», а, возможно, и вовсе проявлением его бесхарактерности. Так, к примеру, сразу после публикации первой части романа «Преступление и наказание», Суворин высоко оценил это произведение: «<...> произведение обещает быть очень интересным, очень талантливым и новым» [2, с. 231]. Но после того, как это произведение Достоевского было негативно принято в либеральных и демократических кругах, Суворин резко сменил ранее высказанное мнение о романе, придя к выводу, что произведение слабое. «Достоевский не обладает тем талантом, который дает г. Тургеневу возможность схватить современные явления, идеи, носящиеся в воздухе, и вложить их в типы, – писал он. – Его Лаврецкие, Рудины, Базаровы – явления жизненные, подлежащие критике, вызывающие в читателе целый ряд вопросов самых жгучих о нашем развитии, о наших недостатках и заблуждениях. Раскольников как явление, нечто болезненное, подлежит скорее психиатрии, чем литературной критике. В романе много страниц прекрасных, вполне художественных, но в нем немало страниц слабых, недостаточно выявленных; завязка крайне запутана и обременена лишними подробностями, приклеенными или ради эффекта, или совсем неизвестно для чего» [2, с. 231 – 232].

На личных взаимоотношениях Суворина и Достоевского появление критических заметок в «Новом времени» не слишком отражалось. Достоевский посещал дом Суворина, с интересом следил за его творческой и

профессиональной деятельностью. Однако писатель был не слишком высокого мнения о литературном даровании редактора «Нового времени». К примеру, в черновиках Достоевского за 1876 г. содержится несколько строк о Суворине и его творчестве: «Незнакомец находится в фальшивом положении потому, что вдруг вообразил себя почему-то гением, и, главное, один: никто ему не помогал в этом. Теперь во всяком фельетоне слышится препротивнейшая фальшь: хочется подавать с остроумием. И вот, к удивлению нашему, ни игривости не видно, ни мудрости не заметно. А какое-то тарашение, какое-то теребение Богом данной порции ума и таланта, чтобы раздуть их в размеры Сухаревой башни» [7, с. 103 – 104]. По всей вероятности, Достоевский решил не публиковать столь радикальное и негативное мнение о Суворине и не вступать в открытую конфронтацию с ним, поэтому в окончательном тексте «Дневника» эти строки не были обнародованы. Хотелось бы отметить и другие слова Достоевского, который, несмотря на низкую оценку литературного дарования Суворина, утверждал, что «ужасно любил читать» его фельетоны. Нередко Достоевский предпочитал открыто не выступать с обвинениями в адрес Суворина, однако это не означало, что был во всем согласен с ним.

Взаимоотношения Достоевского и Суворина можно охарактеризовать следующим образом: в своих критических статьях Суворин метался от сторонников к противникам писателя, то ревностно поддерживая писателя, то, противореча самому себе, критикуя его произведения, выражая сомнения в его таланте. Но и после таких метаний Суворин тешил себя мыслью о том, что Достоевский уважает и ценит его. Как бы забывая о том, что он не всегда был справедлив к писателю в своих статьях, после смерти Достоевского Суворин написал много теплых и искренних строк, приписывая себе славу близкого друга семьи.

Достоевский же относился к Суворину с некоторым снисхождением, старался не ссориться, но и не стремился к более тесным дружеским связям. Как ни старался Суворин занять более важное место в жизни писателя, это ему не удалось. Достоевский держал его на расстоянии, ни о каких более тесных и доверительных взаимоотношениях не могла быть и речь.

В «Дневнике» Суворин сделал заметку о том, какое глубокое впечатление в обществе произвела его статья о смерти Достоевского. Автор «Дневника» не скупится себе на комплименты: «Я помню, какое впечатление произвела моя статья, без подписи о смерти Достоевского. Я назвал его “учителем”. Статья вылилась порывом. Лорис-Меликов, прочитав ее, как рассказывал А.А. Скальковский, тотчас поехал к государю и выхлопотал пенсию вдове; Григорович приехал ко мне, говоря, что он плакал. Многие плакали. Я разжалобился. Вдова Достоевского понимала очень хорошо значение этой агитации. Она поцеловала мне руку. Удивительный подъем был тогда в

Петербурге. <...> Публика бросилась читать и покупать Достоевского. Точно смерть его открыла, а до того его не было. Он жил бедно, едва сводя концы с концами. Сама Достоевская ходила к книжникам на толкучку и продавала книги романов своего мужа, по одному, по два экземпляра, с большой уступкой. Достоевский возобладал над Тургеневым только после своей смерти» [8, с. 351]. Эта запись из «Дневника» дополнительный раз свидетельствует о том, что Суворин хотел верить сам и создать определенную иллюзию для окружающих о его близости к Достоевскому и особом месте в его жизни и жизни его семьи.

На первый взгляд, может показаться, что Суворин не был посторонним человеком в жизни писателя. Он нередко бывал в доме у Достоевского, они часто беседовали, разговоры их были довольно откровенны. Суворин в своих записях приводит описание нескольких встреч с писателем, достаточно детально передает их беседу. Так, к примеру, в «Дневнике» Суворина содержится запись, пролившая свет на замысел Достоевского продолжить роман «Братья Карамазовы». Суворин пишет: «Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы преступление политическое. Его бы казнили. Он сказал бы правду, и в этих поисках естественно стал бы революционером» [8, с. 454]. Суворину были известна задумка писателя сделать Алешу Карамазова «цареубийцей», но эти творческие планы Достоевского Суворин не предавал огласке, доверяя их лишь страницам своего «Дневника» [1, с. 37]. Эта запись, как нам кажется, представляет особый интерес для исследователей.

К тому, чтобы поделиться с Сувориным своими творческими планами, Достоевского подтолкнул разговор на политическую тему: «Мы разговорились о разных разностях политических. <...> Достоевский говорил о том, что все мы ужасно неискренни и лицемерны, что в сущности мы все сочувствуем всем этим покушениям и только притворяемся. Представьте себе, вы или я, <...> слышим, что нигилист говорит другому, что через десять минут Зимний дворец будет взорван. Пошли ли бы их предупредить? Едва ли. Я сомневаюсь. А уж схватить этих нигилистов или указать на них полиции, да это и в голову не пришло бы. А ведь мы с вами вот как негодуем против этих преступлений и говорим против них. Что же другие? Другим и подавно до этого дела нет» [8, с. 351 – 352]. Во время беседы Достоевский признался, что, зная он о готовящемся покушении на Зимний дворец, он не предупредил бы об этом ни власть, ни полицию. Суворин также разделял это мнение писателя. Достоевский признался автору «Дневника», что он размышлял над причинами, которые не позволили бы ему сделать такой шаг, и пришел к такому выводу: «Просто боязнь прослыть доносчиком. <...> Мне бы либералы не простили.

Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?, – задается вопросом писатель, и продолжает: – я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и полезного и для общества, и для правительства, а этого нельзя. У нас о самом важном нельзя говорить» [8, с. 453 – 454]. Но, к сожалению, в «Дневнике» больше не содержится ни одной столь содержательной записи, дающей повод говорить о доверительных разговорах между Сувориным и Достоевским.

Вызывает интерес тот факт, что на страницах «Дневника» Суворин очень подробно описывает самочувствие Достоевского, которого однажды застал дома сразу после приступа эпилепсии, которой, как известно, страдал писатель [8, с. 351 – 352, 453]. «Лицо его походило на лицо человека, только что вышедшего из бани, с полка, где он парился. Оно как будто носило на себе печать пота. Я, вероятно, – вспоминает Суворин на страницах «Дневника», – не мог скрыть своего удивления, потому что он, взглянув на меня и поздоровавшись, сказал: – А у меня только что прошел припадок. Я рад, очень рад, – и он продолжал набивать папиросы» [8, с. 453]. Суворин обрисовывает картину увиденного в комнате писателя, его внешний вид, выражение лица, словно тот факт, что он встретился с Достоевским сразу после приступа, дает возможность полагать, что автор «Дневника» был действительно близок писателю и его семье, раз был допущен к человеку в тот момент, когда Достоевский был слаб и физически нездоров. Эта небольшая деталь в записи Суворина еще раз подчеркивает, как мастерски он создавал самому себе иллюзию тесного общения и особенного места, которое он занимал в жизни писателя.

Суворин не упускал даже малейшей детали, чтобы еще раз подчеркнуть свое участие в жизни Достоевского. Так, к примеру, Суворин описывает в «Дневнике» такой эпизод о писателе: «Во время пушкинских дней в Москве, после его знаменитой речи, я пошел его за сцену поздравить. Он шел мне на встречу в зал и сказал радостно: – А что? Мы победили, победили! Женщины мне руку целуют! Несколько девушек несли ему по залу в это время большой лавровый венок» [8, с. 351]. Совершенно очевидно, что Суворин испытывает чувство гордости оттого, что он находился в такой торжественный момент рядом с Достоевским. Важно и то, что мероприятие это публичное, а значит, Суворин становится частью успеха Достоевского, идя с ним рука об руку на глазах у окружающих. В этих кратких строках заметно ликование Суворина, он гордится тем, что он рядом с Достоевским чуть ли не больше, чем успехом самого писателя.

Примерно за год до смерти Достоевского произошел эпизод, который немного сблизил его с Сувориным. В «Вестнике Европы» за 1880 г. Анненков опубликовал свои воспоминания, где затрагивал имя Достоевского. Автор

утверждал, что писатель, после полученной от Белинского высокой оценки «Двойников», якобы потребовал, чтобы его роман «Бедные люди» выделили шрифтом, отличным от тех, которыми будут напечатаны остальные произведения в «Петербургском сборнике». На самом деле, как утверждала позже вдова писателя в своих воспоминаниях, Достоевский не обращался с такой просьбой, и шрифт, которым был напечатан роман, ничем не отличался от других произведений. Писатель был возмущен подобным утверждением П.В. Аннекова и обратился к Суворину с просьбой напечатать в «Новом времени» опровержение от его имени.

Суворин принялся выполнять поручение Достоевского с огромным энтузиазмом. Статья с опровержением была напечатана незамедлительно, в ней Суворин в довольно язвительной форме указывал на допущенную Анненковым ошибку. Однако статья была опубликована без подписи, впрочем, ее авторство не стало ни для кого большой загадкой. «Анонимная» заметка Суворина стала причиной для полемики между двумя редакциями: Суворин ревностно реагировал на каждое слово противоборствующей стороны и не прекращал публикацию заметок в защиту Достоевского в своей газете.

Но все старания Суворина занять особенное место в жизни Достоевского были напрасны. Писатель никогда не причислял редактора «Нового времени» к числу тех людей, кто был ему по-настоящему близок. И даже после всех стараний Суворина защитить имя писателя и ведении газетной полемики в его защиту, Достоевский не пожелал, чтобы его речь, произнесенная на торжестве, посвященному открытию памятника Пушкину, была опубликована в «Новом времени». К суворинской газете Достоевский относился с определенной долей скептицизма, однако проявлял глубокий интерес к критическим статьям Буренина и его творчеству. И, несмотря на то, что имя Достоевского достаточно часто появлялось на страницах «Нового времени», сам Суворин не так часто писал о нем.

Как свидетельствует анализ, Суворин и Достоевский имели сходные взгляды по некоторым вопросам. К примеру, они оба выступали в поддержку «балканского вопроса», разделяли мнение о важности завоеваний на территории Средней Азии, были крайне нетерпимы к иноверческим настроениям в обществе, лояльно относились к проявлениям экспансионистской политики царизма.

В начале лета 1876 г. Европа замерла в ожидании войны Турции с Сербией и Черногорией. Существовала доля вероятности участия России в этом военном противостоянии, в результате чего мог завязаться конфликт и с другими странами Европы. Российские газеты живо отреагировали на это событие и разделились на два противоборствующих лагеря: противников и сторонников войны. Такие газеты как «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости»,

«Биржевые ведомости» выступали за поддержание мира и подчеркивали, что Россия не заинтересована в войне на территории Европы и даже в случае начала военного конфликта российское государство должно было оставаться в стороне. «Новое время» занимало иную позицию, утверждая, что неучастие в войне будет проявлением слабости. Оценку происходящим событиям Достоевский зачастую делал на основе информации, опубликованной в «Новом времени», поэтому его взгляды имели нечто общее с позицией Суворина по этой проблеме.

Писатель, так же как и Суворин, полагал, что Россия не должна оставаться в стороне от происходящих событий, но относительно политических методов, которые необходимо использовать в решении конфликта, у Достоевского существовало свое мнение. В «Дневнике писателя» уделяется значительное внимание данной теме. Решение Балканского противостояния писатель видел в следующем: «Доставив, напротив, славянам, с самого начала, как можно более политической свободы и устранив себя даже от всякого опекуинства и надзора над ними и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность, Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать силою это опекуинство и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное. Но выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью» [4, с. 77 – 82]. Таким образом, Достоевский поддерживал Суворина и его газету в том, что оставаться в стороне от происходящих событий на Балканах России нельзя, вместе с тем, видел решение вопроса более демократическим путем, а не насильственными методами оккупации соседних государств.

Можно проследить схожесть мнений Достоевского и Суворина и в литературно-эстетических вопросах. Не без влияния Достоевского Суворин утверждал, что в отечественной литературе «все от Пушкина», часто возвращаясь к этой мысли в своих статьях. К тому же Достоевский способствовал тому, что Суворин изменил свое мнение о Гоголе, о роли и значении Белинского в современной критике. Помимо всего прочего, Суворин горячо поддерживал выход в свет «Дневника писателя». Как известно, Достоевский часто выражал свои христианские чувства, отношение к Богу и религии и в публицистических статьях, и в дневнике, и в творчестве. И, хотя Суворин был не согласен с новыми представлениями писателя о Боге, не осуждал их, но у Достоевского считал это достоинством.

Как мы уже отмечали, Достоевский одобрял статьи Суворина, посвященные «Анне Карениной». В «Дневнике писателя» Достоевский и сам

довольно критично высказывался о последних частях этого романа Толстого. Поскольку Суворин также изначально выступал весьма критично в отношении романа «Анна Каренина», мнение Достоевского было весомой поддержкой и опорой для него в глазах окружающих. Известно, что Достоевский прислал письмо Суворину, в котором выразил свою солидарность с ним в отношении мнения о романе Толстого: «Рассчитывал тоже, увидя Вас, не отказать себе в удовольствии заявить Вам о приятном впечатлении на меня по поводу собственно Ваших нескольких слов, на прошлой неделе, об Анне Карениной. Хорошо то, что в наше смущенное время Вы провозглашаете возможность литературного явления как общественного факта, не боясь величия войны и прочего. Этот новый взгляд в Вашей газете очень отраден. Ради Христа не примите с моей стороны за похвалу и поощрение к дальнейшему. Я просто выражаю мое удовольствие, которое бы наверно выразил Вам, если б удалось встретиться, и лично» [6, с. 49].

На самом же деле, отрицательная оценка романа у Достоевского и Суворина основана на абсолютно разных взглядах. Как мы уже подчеркивали, Суворин поначалу недооценил роман из-за недостатка общественно-социальных тем, полагая, что Толстой уделил слишком большое внимание любовной тематике. Негативное отношение Суворина к роману также было обусловлено недопониманием религиозно-философских суждений Толстого. В свою очередь Достоевский критиковал «Анну Каренину» исходя из совершенно других причин: писатель полагал, что Толстой должен был проявить сочувствие к «истязаниям славян» [3, с. 219]. В «Дневнике писателя» несколько статей посвящено анализу идей, касающихся славян, которые Толстой выражает в своем романе. Достоевский высказывает довольно радикальные суждения, призывает к беспощадной борьбе с турками, ведет заочный спор с Толстым, обвиняя его в излишнем «сантиментальном европейничаньи» [3, с. 222]. Как видно, Суворин и Достоевский критиковали роман Толстого по различным причинам, но при этом, имели достаточно сходные мнения по «балканскому вопросу». Важно отметить и тот факт, что Достоевский так и не поменял своего мнения о романе Толстого, в то время как Суворин, с привычным для него постоянством, метался от сторонников к противникам романа «Анна Каренина»

И все же Суворин проявлял больше внимания гражданским воззрениям Достоевского, гораздо меньше уделяя внимания его литературному дарованию и анализу его творчества. Так, Суворин писал: «Его утопии основывались именно на фактах, на истории, на философском умозрении и на том глубоком проникновении в человеческую душу, без которого факты истории, история, статистика – слова, слова и слова. <...> Он влез в русскую душу так глубоко, что открыл в ней черты, конечно, черты общечеловеческие, но с русской

окраской, и эти черты вливаются особым потоком в европейскую жизнь, и Европа именно это заметила, именно это признала, и именно это показалось ей весьма интересным и поучительным в образах истинно художественных и ярких» [9].

Некоторое время после смерти писателя Суворин публично отзывался о писателе достаточно высоко. Вот как, например, он отреагировал на издание А.Г. Достоевской сочинений своего мужа: «При таких условиях работы и жизни, всякий талант бы изнемог бы и измельчал, но талант Достоевского настолько был велик, что вся эта поистине каторжная жизнь только укрепляла его и делала самостоятельным» [5]. Спустя годы после смерти писателя, в 1894 г. в «Новом времени» слышались уже гораздо более категоричные отклики о писателе. По мнению Суворина, Достоевский был в русской литературе «как провидение, как выходец из какого-то такого мира, о котором до него никто не говорил. Этот мир так противоречил всему тому, что открывало до него русское словесное искусство. Какие-то изломанные, больные люди, какие-то “бесы”, “идиоты”, “сладолюбивые”, “преступники” явились и раскрывали свою русскую удивительно сложную душу, в которой наслоились веками рабство, свобода, самопожертвование, отрицание всего существующего, распутство, продажность тела и души и сияющие призраки фантастического будущего» [11].

Суворин не понимал истинного смысла и значения большинства произведений писателя. Их автор так и остался для него загадкой, как ни пытался Суворин приблизиться к разгадке столь глубокой личности: задача эта была непосильна для рационального, практичного и в чем-то даже приземленного ума редактора «Нового времени». Видимо поэтому Суворин практически не издавал произведения Достоевского, хотя возможность такую он имел как при жизни писателя, так и после его смерти. В издательстве Суворина было напечатано лишь одно произведение писателя – «Бедные люди», Суворин также был увлечен инсценировкой романа «Преступление и наказание».

Сопоставление публично высказываемых позиций и взглядов Суворина о творчестве Достоевского и записей, сделанных в «Дневнике», говорит о том, что автор дневниковых записей далеко не всегда был откровенен в прессе, иногда подхватывал мнение большинства, и лишь по прошествии долгих лет приходил к своим собственным суждениям по поводу творчества Достоевского. «Дневник» также дает возможность утверждать, что Суворин пытался создать для себя и окружающих иллюзию того, что имеет довольно тесные взаимоотношения с писателем и его семьей. Наиболее содержательная запись из «Дневника» Суворина к тому же является и источником, благодаря которому можно судить о планах Достоевского написать продолжение «Братьев Карамазовых».

Литература:

1. Волгин И. Последний год Достоевского: исторические записки / И. Волгин. – М.: Советский писатель, 1991. – 544 с.
2. Динерштейн Е. А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру / Е. Динерштейн. – М.: РОССПЭН, 1998. – 376 с.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский [ред. В.Г. Базанов и др.]. – Л.: Наука, 1983. – Т. 25. – 470 с. (Серия “Полное собрание сочинений”).
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский [ред. Н.Ф. Буданова и др.]. – Л.: Наука, 1984. – Т. 26. – 518 с. (Серия “Полное собрание сочинений”).
5. Незнакомец Письмо к другу. XLIII / А.С. Суворин // Новое время. – 1883. – 27 ноября.
6. Письма русских писателей к А.С. Суворину / [подгот. Д.И. Абрамович]. – Л.: Издание Государственной Публичной Библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1927. – 238 с.
7. Розенблюм Л. Творческие дневники Достоевского / Л. Розенблюм. – М.: Наука, 1981. – 368 с.
8. Суворин А.С. Дневник / А.С. Суворин [подгот. текста Д. Рейфилда, О. Макаровой]. – London: The Garnett Press; М.: Изд-во Независимая газета, 2000. – 670 с.
9. Суворин А.С. Критические статьи / А.С. Суворин // Новое время. – 1890. – 13 апреля.
10. Суворин А.С. Письма к М.Ф. Де-Пуле. Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома за 1979 год / А.С. Суворин [публ. М.Л. Семановой]. – Л.: Наука, 1981. – 270 с.
11. Суворин А.С. Тень Достоевского / А.С. Суворин // Новое время. – 1894. – 30 декабря.
12. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / [сост. А.С. Долинин]. – М.: Художественная литература, 1964. – Т. 2. – 520 с. (Серия “Литературных мемуаров”).

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимоотношений А.С. Суворина и Ф.М. Достоевского. Автор проследил сходство и различие литературно-эстетических, гражданских и общественно-политических взглядов писателя и редактора «Нового времени». Сопоставление официальной позиции Суворина и откровений, высказанных им наедине с самим собой, дает возможность сделать вывод, что автор «Дневника» не понимал произведений Достоевского, но хотел создать иллюзию того, что имеет довольно тесные взаимоотношения с

писателем и его семьей.

Ключевые слова: дневниковая проза, рецепция, автопсихологичность.

Анотація.

Стаття присвячена аналізу стосунків О.С. Суворіна та Ф.М. Достоевського. Автор визначає спільність та відмінність у літературно-естетичних, громадянських та суспільно-політичних переконаннях Суворіна і Достоевського. Розглядається офіційна позиція редактора «Нового времени» та зізнання, які він робив у своєму «Щоденнику». Цей аналіз дає змогу зробити висновок, що Суворін не розумів творів Достоевського, але постійно намагався створити ілюзію того, що він має тісні та дружні відносини з письменником.

Ключові слова: щоденникова проза, рецепція, автопсихологічність.

Summary.

The article is devoted to the relations between A.S. Suvorin and F.M. Dostoevsky. Suvorin thought highly about the writer, respected his social and political ideas, patriotism. Due to analysis we've come to the conclusion that Suvorin didn't understand the real sense of most of Dostoevsky's works. During a long period of time Suvorin tried to create the illusion to himself and the rest of society that he was Dostoevsky's close friend, thus, it was just his illusion. Suvorin's official opinion was compared with his confessions in the "Diary".

Key words: diary, Dostoevsky, Suvorin.

Стаття прорецензована и рекомендована к печати: проф., д.ф.н Андрущенко Е.А.